

активности (восприятия, воображения, памяти, речи и мышления о себе – Я и Другой, Другие); в эмоциональных переживаниях любви, страха, тревоги; в деятельности, направленной на достижения (хочу, могу, достигаю), в развитой рефлексии адекватности самооценки на каждом возрастном этапе.

Библиографический список:

1. Дудина М. Н. Философия для детей, Или философии все возрасты покорны. Екатеринбург. 2000. 428 с.
2. Дудина М. Н. История педагогики: диалог парадигм. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 2008. 196 с.
3. «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов международной научной конференции (24–25 ноября 2017 г.) / отв. ред. Г. И. Петрова. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2018. 306 с.
4. Миронов В. И. Воспитательный потенциал религиозной (православной) педагогики и его реализация в негосударственном общеобразовательном учреждении: автореф. канд. пед. наук. Екатеринбург : ГОУ ВПО «УрГУ им. А.М. Горького». 2010. 27 с.
5. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та. 2011. 532 с.
6. Положий Б. С., Фритлинский В. С., Агеев С. Е. Частота суицидов среди несовершеннолетних в России // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 52–54.
7. Пригожин И. Р. Конец определенности. Ижевск : РХД. 2001. 216 с.
8. Причинин А. Е. Инновационное образование: основание принципа неопределенности // Образование и наука. 2011. № 5 (84). С. 29–38.
9. Разина М. А. Эволюция религиозного (православного) воспитания в России с XVIII века до настоящего времени: автореф. канд. пед. наук. Екатеринбург : ГОУ ВПО «УрГУ им. А.М. Горького». 2006. 21 с.
10. Соловьев Вл. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации; Алгоритм. 2012. 656 с.
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М. : Гослитиздат. 1928–1958.

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ГОРОЖАНОК РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Аннотация. Обращение к историческим документам показывает, что заметным «присутствие» женщин в городском пространстве становится, как правило, в периоды изменения внешней среды, вынуждающей горожанок адаптироваться к новым условиям или изменять их под себя. Ускорение процессов глобализации и глокализации в настоящее время ставит горожанок в ситуацию принятия на себя ранее не свойственных им ролей, норм поведения.

Ключевые слова: горожанка, культура, город, человеческий потенциал, повседневность.

В настоящее время исследователями признается, что важнейшую роль в будущем развитии России играет не интенсивное накопление материально-вещественных элементов общественного богатства, а переход к такому принципу жизни общества, при котором приоритетными становятся социокультурные процессы. Более того, «определяющее значение для дальнейшего социального развития приобретет формирование человеческого потенциала, адекватного задачам, стоящим перед страной» [1, с. 3]. Важным показателем состояния общества является социокультурный потенциал, в который «входят культура, ценности и традиции, религия, образование и здравоохранение, развитие системы социальных гарантий, доход, социальная структура населения, национальная идентичность, гражданская активность населения и т. д.» [2, с. 9]. Заславская Т. И. в свое время писала, что социальный потенциал – это «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами» [3, с. 10]. В данном определении мы обратили бы внимание на такие категории как «готовность» и «способность».

Национальная общность – это устойчивая социальная группа людей, исторически возникшая и имеющая определенные характеристики. Понятно, что это не единый монолит, а совокупность более компактных социальных групп. В данной связи встает вполне закономерный вопрос: какие именно группы способны в настоящее время пополнить социальный потенциал страны? Иначе говоря, какая социальная группа более других обладает готовностью и способностью к активному саморазвитию, к адекватному ответу в условиях трансформации культуры? Ответ, который, что называется лежит на поверхности, – это, конечно же, молодежь. Однако, на наш взгляд, не менее значимой является группа горожанок провинциального города, как потенциальный источник сохранения и развития человеческого потенциала, культуры определенной территории.

Мы уже обращали внимание на способность горожанок быстро адаптироваться к изменившимся условиям внешней среды (см. напр., [4, 5, 6] и др.). Что важно. Всякий раз скачок активности женщин в городском пространстве – это отклик (реакция) на резкое изменение внешней среды, когда задет социокультурный пласт, сформированный в обществе: существующая система ценностей, традиций и норм, присущих конкретному социуму. Современность, заявленная в большей степени процессами глобализации (унификации социокультурного) и глокализации (сохранения локального), вновь бросает горожанкам вызов, который они, как свидетельствует практика, приняли.

Напомним, что в структуре человеческого потенциала Заславская Т. И. выделяет четыре взаимосвязанных, но относительно самостоятельных компонента: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный [3, с. 14]. Достаточно обратиться к статистическим данным [7, 8], чтобы понять, что все эти компоненты в настоящее время в большей степени реализуются женщинами. Так, например, социально-демографическая составляющая: в городах страны проживает 75 % населения, устойчивая статистика последних полутора десятков лет показывает соотношение 54 % женщин и 46 % мужчин. Уровень образования женщин выше, чем уровень образования мужчин, у городского населения уровень образования выше, чем у сельского [7, с. 71–72]. И такого рода статистику можно привести по каждой составляющей человеческого потенциала, что подтверждается и результатами социологических исследований, выполненных в том числе и при нашем участии (см., напр., [9, 10] и др.).

В данном случае важно обратить внимание, что для реального человека повседневность – это высшая реальность, через призму которой познаются все другие виды реальности. Именно ее человек воспринимает как норму жизни. Опираясь на свой опыт социальных взаимодействий, человек конструирует собственные жизненные ситуации. При этом он мало задумывается об их смысле, т. е. о том, насколько они являются типичными для его окружения. Осмысление собственного опыта является результатом рефлексии – способности ставить себя на место других и действовать так, как они. Когда устанавливается связь с опытом других, взаимодействия приобретают социальный смысл. П. Бергер и Н. Лукман связывают возникновение смысла с процессом объективации субъективной реальности. Поэтому конструирование социальной действительности в феноменологической парадигме – это, «непрерывное производство людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность» (цит. по: [11, с. 174]). В этой связи важно понимать, как меняются нормы поведения современных горожанок, как идет освоение ранее не свойственных им ролей. Представление об этом можно составить, если обратиться к результатам социологических исследований, выполненных в регионах, эмпирические данные которых убедительно показывают изменение и ролей, и норм. Но это уже повод для других размышлений и написания социокультурного портрета современной горожанки провинциального города России, в котором уже просматриваются считающиеся гендерно-маркированными как мужские ценности и установки, а «счастливая семейная жизнь» занимает последнюю позицию в ранжированном ряду оценок.

Библиографический список:

1. Молодых-Нагаева, Е. Г. Социокультурное развитие северного региона: современное состояние, тенденции и перспективы: дисс. канд. ... социол. наук / Е. Г. Молодых-Нагаева. – Тюмень. – 2004. – 167 с.
2. Хавронюк, О. В., Хавронюк, Т. А. Социокультурный потенциал как фактор инновационного развития региона / О. В. Хавронюк, Т. А. Хавронюк // Тул. Образовательное пространство. – 2015. – № 3. – С. 9–12.
3. Заславская, Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественный науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
4. Ануфриева, Е. В., Дулина Н. В. Женщины и модернизация: уроки истории (на примере г. Царицына – Сталинграда – Волгограда) // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19–20 ноября 2015 г.) / под ред. Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. – С. 9–12.
5. Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. «Заменим!»: женская история Первой мировой войны (на примере г. Царицына–Сталинграда–Волгограда) // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. – С. 1659–1661.
6. Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. Изменение пространства женщины крупного промышленного города как социальное продолжение Первой мировой войны (на примере г. Царицына) // Социологический альманах. Национальная академия наук Беларуси. Институт социологии. – Минск. – 2015. – № 7. – С. 109–119.
7. Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сборник / Росстат. – М., 2018. – 241 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (дата обращения: 30.12.2018).
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.12.2018).

9. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Образ горожанки в оценках и мнениях современных студентов (по итогам социологического исследования) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и РЭА РАН. 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Родина. – М.: РЭА РАН, 2018. – Т. 2. – С. 171–173.
10. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Современные селянки и горожанки: конфликт или консенсус? (по итогам прикладного социологического исследования) // Село России. – 2018. – № 1. – С. 72–83.
11. Кравченко, С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. – М.: Астрель, 2004. – 511 с.

Зудов Е. В.

ФУНКЦИИ НОВЫХ РЕЛИГИЙ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Затрагивается проблема изучения функций новых религий в современном обществе. Обычно функции новых религий отождествлялись с функциями традиционных религий и в зависимости от методологического подхода раскрывались их сущностные черты. Автор отмечает, что в современном обществе функциональность новых религиозных движений имеет иные сущностные черты, чем в традиционных религиях. И предлагает свои варианты функций новых религиозных движений, которые являются производными от существующих функций религий.

Ключевые слова: новые религиозные движения, функции религии, наукообразность, функции новых религиозных движений, новая религиозность.

Традиционно считается, что любая религия выполняет ряд важных функций в обществе. Учеными достаточно полно рассмотрены функции религии с разных методологических подходов: структурно-функционального (Дюркгейм, Малиновский, Мертон и др.), эволюционно-динамического (Вебер, Белла и др.), интегративного (П. Сорокин). Но наряду с изучением религий и их функций в научной литературе заметное место уделяется изучению такого феномена как новые религиозные движения. И при рассмотрении функций новых религиозных движений исследователи обычно их отождествляют с функциями традиционных религий, не задумываясь, что функциональность новых религий в современном обществе может серьезно отличаться от функций традиционных религий.

Попытки выявления и изучения функций новых религиозных движений учеными предпринимались, хотя не так обширно, как исследования функций традиционных религий. В основном исследователи обращали внимание на социальные функции НРД (С. М. Иванов, Р. А. Быков, Е. Н. Васильева). Например, Иванов дает следующую оценку социальным функциям НРД: «Действие интеграции, легитимизации и прочих функций религии как бы приземляется, светлое будущее в обществе потребления и рекламы переносится на конкретную пространственную и временную почву» [7, с. 127]. Другой ученый, Быков, отмечает: «НРД обеспечивает приобретение коммуникативных, прикладных и творческих навыков, опыт интеграционного мышления и познания, дуального восприятия мира, одухотворения поведения повседневных моделей...» [2, с. 105].

При этом следует отметить, что на изучение функций НРД серьезное влияние оказало антикультовое направление, которое рассматривало аспекты воздействия НРД на социум исключительно в деструктивном формате. Например, так же, как и в традиционных религиях, выделялись следующие функции НРД: мировоззренческая, познавательная-развлекательная, разделяющая, культурологическая, ценностная. Но каждая из этих функций подавалась с негативной коннотацией: ценностная – у последователей формируется асоциальные цели; мировоззренческая – человеку закладываются взгляды, конкурирующие с научным подходом или направленные на разрушение традиционных ценностей общества и т. п. [8].

Для понимания проблемы тождественности функций традиционных религий и функций НРД интересными являются взгляды Дж. Нельсона. В докладе по проблемам функционирования новых религиозных движений Е. Н. Васильева отмечает, что Дж. Нельсон выделяет следующие функции НРД: а) интегрирующие/дезинтегрирующие; б) социально несущественные /существенные; в) трансформирующие. При этом отмечается, что данные функции имеют важное свойство изменяться с течением времени и в зависимости от типа общества. В какой-либо период времени или эпоху НРД могут выполнять интегрирующие и трансформирующие функции, быть социально значимыми движениями, а с течением времени их функции могут кардинально поменяться, сделав их социально несущественным движением, выполняющим дезинтегрирующие функции [3]. На наш взгляд, данная мысль достаточно точно коррелируется с идеями Эйзенштадта и Эрвье-Леже, которые в своих работах раскрывают взаимосвязь существующей социальной среды, времени и формирования новой религиозной констелляции в современном обществе [13, с. 255; 14, с. 35].

В отечественных работах выделяются следующие функции религий, присущие, в том числе и новым религиозным движениям: регулятивная, интегративная, легитимизирующая, коммуникативная,